

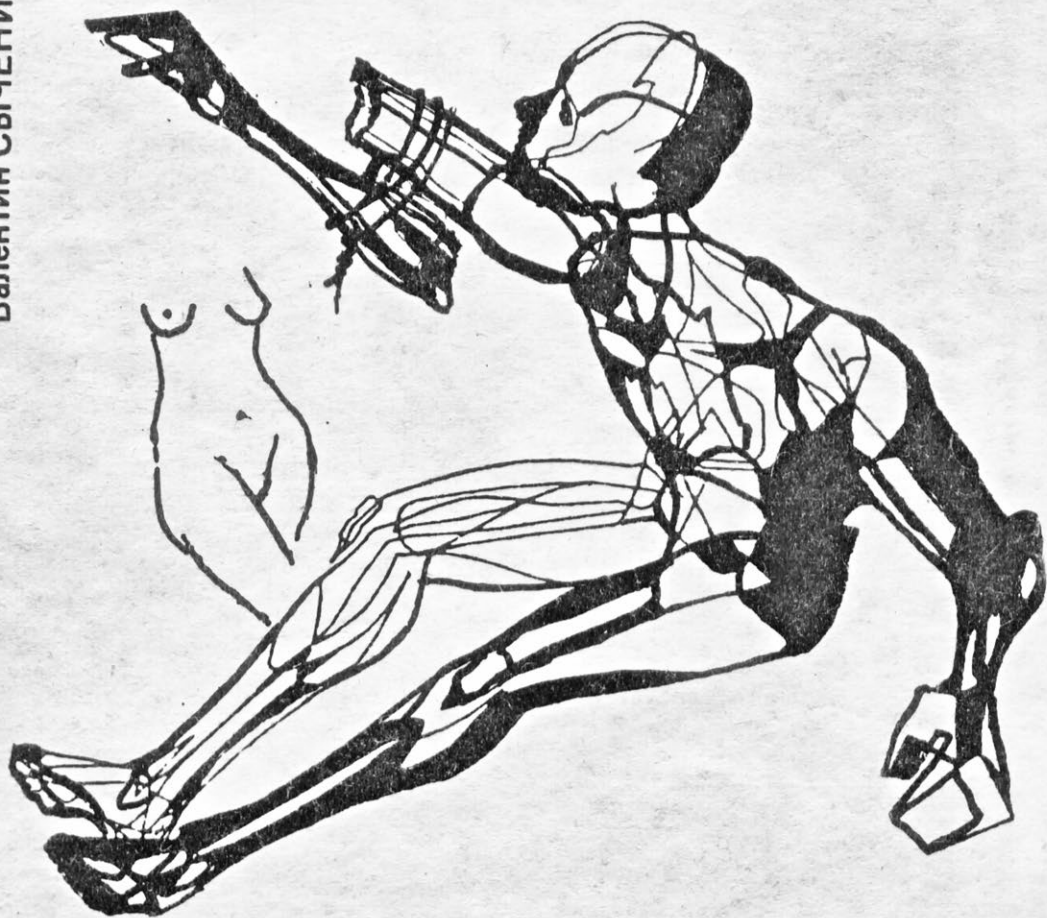
Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

ЭКСТРАСЕНС

Валентин СЫЧЕНИКОВ

ББК 84Р7-4
С. 95

Издание подготовлено
ЛИА «Эридан» Минск и ЛИА «ЛИТ» Рига

Сычеников Валентин Вячеславович.

ЭКСТРАСЕНС.: Фантастические рассказы.

М.: Прометей. 1990. — 32 с.

В сборнике фантастических рассказов рижского писателя В. Сыченикова представлены направления его творчества — от «жестокой» фантастической прозы («Экстра-сенс, или Не размыкая круга . . .») до фантастического фельетона («Поехали!») и юморески («Умник»).

С $\frac{4702010201-346}{183(2)-90}$ без объявл.

©Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина.
1990.

ЭКСТРАСЕНС, ИЛИ НЕ РАЗМЫКАЯ КРУГА

Слышимаая только мною мелодия вылетела в форточку, рванулась над запорошенным ромашками лугом и уткнулась в вязкий туман над озером. Здесь она замешкалась, как будто размышляя, не обойти ли кругом? И если да, то какой стороной? Не осмелившись выбрать разумное решение, она бросилась наугад — в туман, напролом, и, конечно, увязла, заглохла, растаяла в нем...

Я укладываю в футляр мою воображаемую и именно поэтому любимую гитару, выпускаю из ноздрей миражное облачко табачного дыма, подаренного мне трубкой и «Капитанским», и щелкаю выключателем настольной лампы.

Оранжевый круг света на миг застывает на стенах комнаты, потом, вздрогнув, стремительно падает, и кольцо темноты смыкается у моего горячего лба.

Я знаю, моему желанию остаться наедине с самим собой все равно не сбыться — помешают.

Первой в мой замкнутый круг врывается соседка. Не успев устать от привычных ласк изнуренного трудовым днем супруга, она лениво по-

тягивается, трогает «Кис-Кис» на тумбочке у постели и, так и не развернув конфету, цедит:

— Он, — жест пальцем в тонкую стенку, разделяющую нас, — на твоём месте, наверное, не уснул бы ...

Супруг ее вздрагивает. Он не любит, когда напоминают обо мне. Первое его желание — вернуть расположение жены. Он поднимает руку, чтобы дотронуться до нее, но тут же, разозлившись за упоминание обо мне, подстегиваемый накопленной за день усталостью, отворачивается к стенке. Ни делать, ни говорить ему ничего не хочется.

Она, еще более раздосадованная этим равнодушием, больно щиплет его за бок, заводится:

— Хм, а баба-то его последняя чего-то визжала прошлый раз ...

Она на минуту останавливается, все еще ожидая реакции мужа, но, убедившись в тщетности своих попыток и потому еще более озлобившись, возобновляет монолог, специально, хоть и не особенно старательно, подыскивая ассоциации, способные задеть безучастного ее партнера.

— Она, конечно, не девочка. У него все бабы какие-то истертые, — она косится на лежащего рядом мужчину и, уже отключаясь от него, оставаясь наедине со своей неустроенностью, продолжает:

— А визжала! ... — на мгновение она задумывается над своим наблюдением, — ... Не здешняя. Все к нему приезжают ... У прошлой на чемодане было: «Аэрофлот-Архангельск» ...

— И надо же было тебе заметить, — наконец отреагировав, бубнит муж.

Но ее уже не остановить:

— А перед этой была — все о Москве они трепались ... И все какие-то патлатые, гуль-

ные ... И как едут в автобусе — глаз от него не отрывают ... И что они в нем нашли? ... И чего он все со стороны откуда-то тащит? Столько девок у нас на мысу ...

Муж, уловив в ее тоне обидный для себя смысл, нервно дергает ногой, тянет на себя одеяло.

— Подвинься ... И вообще, какого хрена ты носки мои не выстирала?!

— Надо жалобу на него написать домоправу, — продолжает вслух размышлять она.

— Да на черта он тебе сдался! ...

С соседом мы не дружим. Правда, однажды у него сломался телевизор, и он, желая отблагодарить меня за оперативный ремонт, «поставил». Радости мне его компания не принесла, но я с ним выпил.

Я только было заинтересовался результатом их диалога, как эту беседу заглушила другая.

— Странный у нас редактор, — влез в мои ассоциации главный инженер нашего треста.

(Я не редактор, только его замещаю, но меня на работе почему-то все называют именно так).

Филипп Михайлович помешал ложкой в стакане с наваристым цейлонским чаем.

— Ты знаешь, образования специального у него никакого, но ... — Он прикрыл веки, довершая мысль про себя, и, отхлебнув из стакана, повторил: — Странный ...

— Филюш, — донесся из библиотеки голос Анны Макаровны, — а Чесноков когда выйдет?

— Мы брали его из своих, — не слыша жены, продолжал Филипп Михайлович, — токарем работал. А у нас четыре редактора уже уволились. Придут, за год квартиру отхватят — и уходят. Измучились мы, а сделать ничего не можем, и цэка их поддерживает: «на повышение пошли»,

говорят. А этот куда пойдет — образования нет, но ... — он задумчиво пососал дольку лимона и, только теперь осознав вопрос жены, обернулся к двери в комнату, где она сидела.

— Чесноков? ... Не знаю. У него творческий отпуск, — он быстро прокрутил какие-то свои мысли. — Диссертацию защитит — уйдет, наверное.

— Так ты станешь управляющим? — Анна Макаровна приостановила вязание.

— М-м ... — неопределенно протянул Филипп Михайлович, но, понимая, что нужно что-то ответить, продолжал: — Разваливается наш трест. Главк работы не дает, а коллектив сохранить требует ... — и, еще раз вернувшись к каким-то своим мыслям, добавил: — Да я главным-то стал год назад — чего же ты хочешь?

— Марья Семеновна люстру хрустальную достала, — Анна Макаровна вздохнула. — Подорожал хрусталь нынче.

— Хрусталь, хрусталь ... — эхом отозвался Филипп Михайлович, встал, подошел к жене, сел напротив. — А знаешь, и идей у него — полная башка.

— У Чеснокова? Так он же ...

— Да нет, — отмахнулся Филипп Михайлович, — у редактора.

Он встал, прошелся по комнате.

— И идеи в общем-то неплохие. Пока его шеф в отпуске был — он накрутил, накрутил ...

Филипп Михайлович тронул ручку серванта, на мгновение задумался — курить-не курить? — и, решив, что легкие и сердце лучше все же поберечь, «Руно» не тронул, а сунул в рот коктейльную соломинку.

— Чит ... — я не понял, какое слово он употребил, может быть, и «черт», но скорее «шут», —

...его знает... — Он пожал плечами и продолжал размышлять вслух: — Школу рабкоров создал. Крутится, хочет «приз газеты» учредить. В общем, это заманчиво, конечно. Полезно. Я добро дал, а что получится — от него зависит.

— А газета? — Анна Макаровна, думая о своем, все же решила поддержать видимость беседы с мужем.

— Ничего. — сразу отозвался он. — Я-то ею давно не интересовался ... Так, болтовня одна. А на последней планерке, когда обсуждался какой-то вопрос, предпрофкома вдруг заявил: газетку-то нашу читать, мол, надо, там об этом рассказано. Все даже удивились.

Он снова прошел на кухню, после горячего чая вдруг выпил стакан ледяной, прямо из холодильника, газировки.

— Активный, — заговорил снова обо мне, — везде суется ... Бывает, утром приезжаю в трест, а у него свет горит — ночевал и, наверное, не спал. Откуда столько энергии? ...

— Молодой? — не особенно интересуясь, отозвалась Анна Макаровна.

— М-мг, — подтвердил Филипп Михайлович, — начкадров так ...

Он вспомнил скандальную историю, известную многим, но обсуждавшуюся только в кулуарах треста, — обо мне и фаворитке кадровика, которую я отбил-таки. Знал об этом Филипп Михайлович, однако пересуды не любил и начатую фразу оборвал.

Он скинул халат и шлепанцы, забрался под одеяло и уже потом промолвил:

— Ложись, мать, завтра утром к Наташке махнем — я машину заказал.

Решив, что на этом разговор либо закончился, либо перейдет на другую тему, я «выключил»

мирную пару и попробовал сосредоточиться на истекающей призрачным соком луне за окошком.

Говорят, если на спящего человека падает лунный свет, он становится лунатиком. Но я этого не боюсь. С тех пор, как я открыл в себе удивительную способность производить перемещения в пространстве, читать мысли людей, до мелочей воспроизводить прошлое и представлять будущее, с тех пор, как убедился, что луна — лучший помощник в этом, я полюбил ее. Она помогает мне общаться с миром. Даже если засыпаю ...

Надгробие закачалось и сползло в сторону. Ступая босыми ногами по острым камешкам дороги, в развевающемся длинном платье ко мне приближалась мать.

— Не пей, сынок, ну не пей ... — эхом, как в пустой комнате, прозвучал ее голос.

Я бросил.

— Не гуляй, сынок, не гуляй, — заклинала она.

Я перестал встречаться со всеми своими знакомыми.

— Не пей, сынок, не пей ...

Я опять бросил.

— Не гуляй, сынок, не гуляй ...

Не в силах вырваться из заколдованного круга, я уткнулся лицом в ее седые, длинные, распущенные волосы. Они пахли совсем не так, как у других женщин. Не соблазном, а теплом. Мне захотелось плакать.

Но слез не было.

Я задрожал, чувствуя, что лунный полумрак стискивает мне виски, порывисто вскочил, щелкнул выключателем.

Лампа взорвалась оранжевым шаром, хлестнула светом по стенам.

В зеркале отражалась моя взлохмаченная фи-

зиономия. Свадявшиеся волосы, отросшая за месяц жидкая борода . . .

Интересно, сколько раз перевернулась мать в гробу? . . . Так, кажется, бывает, если нарушить волю умершего?

С ужасом услышал я, как скрипят доски, сопротивляясь поворачивающемуся телу. Передернул плечами и снова уставился на свое отражение.

Нет, лучше спать при свете.

Я только закрыл глаза, как меня за плечо тряхнул шеф.

— Ну что?

— Та-а . . . — отмахнулся я.

— Устал?

— В общем-то есть.

— А ты думал, мне легко?

Я так не думал. И вообще, именно с шефом встречаться мне сейчас не хотелось — я чувствовал себя виноватым перед ним. Но, с другой стороны, я точно знал, что уж ему-то поговорить не с кем. Вообще. А обо мне так тем более. А еще я твердо знал, что ему хочется этого. Поэтому совсем отмахнуться не решился. Влез в разговор.

Разговоры наши с шефом точнее было бы называть вялыми прениями. Но если они велись в редкие минуты отдыха среди текучки, то выливались в настоящие, хотя и беспомощные, споры. Но главное, что меня успокаивало, — мы никогда не опускались до пустых препирательств.

— . . . Ты все время хотел свободы, — продолжал он. — Вот и получил ее.

— Спасибо, — я действительно был ему за это благодарен.

— Я смотрел первые три номера . . . Ничего . . . Профессионально.

«Интересно, что ты скажешь, когда увидишь три последних?» — подумал я, а вслух произнес:

— Старался давать побольше материалов.

— Я заметил. В общем, ты молодец, обошелся и без корпуса¹, и без перепечаток.

Это уже тайны «кухни». Когда материалов для газеты не хватало, давали набор не петитом², а корпусом, чтобы занять побольше места. А в редакционных архивах я увидел, как действовал мой предшественник — гнал в набор вырезки из других газет и журналов.

— Работал много? — поинтересовался шеф.

— С восьми утра до десяти вечера.

— А макеты?³

— Ночью. Кончал обычно в шесть-семь утра.

Шеф смотрел на меня непонимающе. Работу свою он не любил, это я давно понял, но знал ее досконально. выкручивался из любых положений и с минимальными затратами. И мое рвение ему понятно не было. И потом, он был чрезмерно опаслив, старался сглаживать острые углы и этим, я считал, делал газету совершенно «беззубой».

— Критики ты много даешь, — пожурил шеф.

— А вы как хотели? — не сдержался я. — Планы не выполняются, везде разлад, брак, а вы ...

— Ну ладно, ладно ... Ты подписывал — ты и отвечать будешь ...

— И отвечу! — в такие моменты я обычно распалялся. — Отвечу.

¹ Крупный типографский шрифт.

² Один из мелких типографских шрифтов.

³ Графический план верстки газетной полосы.

— Я школу создал, шеф. Рабкоров. — Я понял, что сейчас он обидится — организация школы была все же превышением моих полномочий.

Он действительно обиделся, но виду не подал.

— Что ж, хорошо, — шеф задумался и снова, уже медленно, протянул: — Хо-ро-шо...

Он забарабанил пальцами по столу, то ли пытаясь скрыть замешательство, то ли просто обдумывая, как быть дальше.

— А за критику тебе все равно влетит, — не нашел он ничего лучшего, как напомнить про больное.

«Может, сказать о призе?» — подумал я, вспомнив про объявленный конкурс, но тут же отверг эту мысль. Не надо. Лучше «на рабочем месте». Дождусь понедельника.

— И чего добился? — он все пытался понять меня.

— Многого! — Я вдруг решил один раз ударить напрямик, и не потому, что не мог устоять перед соблазном подразнить его, а потому, что уже чувствовал себя победителем: — Знаешь, шеф, отдыхай еще неделю.

Он недоуменно поднял на меня глаза:

— Ты что?..

— Вполне серьезно. Я не успел сделать всего, что затевал. Мне нужна еще хотя бы неделя свободы.

Это было для него так неожиданно и выглядел он таким растерянным перед открывшейся вдруг тяжелой для него истиной, что я смилостивился и тут же отпустил его.

Я чуть не задохнулся от отчаяния, осознав, как трудно мне уснуть сегодня. Впрочем, только ли сегодня?

— А люди все новые, — перевел он разговор на моих корреспондентов.

Прошел год, как я расстался с Ярославной. Ее мама была против наших встреч. Наяву. А мое желание оказалось сильнее запретов. Не помню уж, как я впервые проник сквозь стену в их квартиру... И не хочу вспоминать о наших встречах с дочерью на глазах у ничего не видящей матери... Страшным оказалось другое! Этот прорыв разбудил во мне неведомые силы, и теперь я, даже против своей воли, оставаясь зачастую невидимым, перемещаюсь в пространстве и времени, либо, как зябнувший одеяло, тяну их на себя. И руководит мною шальная моя мысль!..

Поверьте, это тяжело. Приходится заставлять себя думать хоть о чем-то приближенном. Скажем... побриться надо...

Борода не поддавалась даже специальной насадке электробритвы. Вот тебе и жидкая. Я обкромсал волосы ножницами и схватился за станок «безопаски», подаренный на прошлой неделе Люсьен.

Люсьен... Вот ее-то мне непросто вызвать. Даже при большом желании. А сама она что-то не приходит в последнее время...

Я вздрогнул: Люсьен задувала свечу у чужого изголовья. Вздрогнул, до боли стиснул зубы и тут же увидел каплю крови, выскользнувшую из-под лезвия на желваке, пробежавшем по скуле.

Конечно, предъявлять какие-либо претензии к Люсьен я не смел. Она, как любят говорить, была вольна, как птица. Я понимал это, понимал и то, что сам свободен по отношению к ней. И все-таки, чужая подушка и Люсьен — это удар.

Держа в пальцах бритвенный станок, я ощущаю тепло ее руки, забытое на стальной рукоятке. Это придает мне магических сил и, обдирая вторую щеку, на первой, уже гладкой, я чувствую осторожное прикосновение ее губ.

— Наконец-то! — радуюсь я.

— Опасно оставлять надолго в одиночестве любимых женщин. А в выходные дни и подавно.

— Но как успеть быть с ними всеми и всегда? — в тон ей, ерничая, подхватываю я.

Она мгновенно становится серьезной, поворачивает к себе мое лицо и, заглядывая в глаза, произносит просяще-повелительно:

— Не надо, милый. Только слабый пол имеет право на такой тип кокетства.

— Зачем же им злоупотреблять?

Люсьен меняется мгновенно. В ее глазах уже опять лукавинка.

— Затем, что это действительно опасно.

Я не могу сдерживать улыбки. Ни в ком я не уверен так, как в Люсьен. И тут же улыбаюсь еще раз, уже горько: никто не предаст нас столь вероломно, как те, в ком мы уверены.

— Как твои дела? Я тебя не видела целую неделю.

— Отлично, — подмигиваю я, а про себя удивляюсь: почему она сегодня говорит не стихами?

— Слыхала, ты ремонт затеял кабинета?

— Когда в гости хоть иногда заходят такие красивые женщины, невольно начинаешь заботиться об убранстве своей обители.

— И шторы новые я с улицы видала...

— Сменил. И полки все покрасил. Да и цветы не так уж редко стол мой украшают...

— И школу там какую-то открыл... Да, слушай, ну, а как твой приз?

— Почти готов. Вот только в понедельник последнюю осталось визу наложить.

— Ну до чего ж ты странный человек... — Люсьен поводит плечами. — С работы его чуть не гонят, же — ремонты кабинетов, как будто для себя. Но ведь тебе сказали: подыщи другое место

для своих дерзаний. И критика твоя уже давно не одному на горло наступила. И все тебя хотят изжить, а нач-по-кадрам...

— Милая девчушка, нач-по-кадрам не столько критику хулит и действия мои, как наши с тобой чувства. Вот эта кость ему дыханье перебила... А что касается всех странностей моих, то будь я чуточку иным, ужель меня б ты так боготворила?

Люсьен не спеша встает.

— Ну что ж, привет тебе, привет, счастливый неудачник иль несчастный плут! Я рада, что в тебе не остывает твой упрямый дух, что мысль твоя, как прежде, дерзновенна, что голова, как водится, забита ерундой, хотя и вперемешку с веществом полезным, что ты так весел, изможден, невыносим и мил, твой оптимизм меня, как и всегда, пленяет, ну, а теперь я ухожу — пленять других.

Я весело махнул рукой ей вслед, тщательно ополоснул бритву и, успокоенный, в который уж раз в эту ночь, упал в постель.

Остался лишь друг. Жан. Он неторопливо листает страницы моей последней рукописи и швыряет ее на стол.

— Чушь какая-то...

— Да брось ты, Жан, — вспыхивает его брат Славик, откладывая в сторону другую часть рукописи. — Чувствую, твоя ведь школа. Ты же всегда ему талдычишь об оригинальности, неповторимости...

— Оригинальность, Славонька! Оригинальность!.. — нараспев тянет Жан. — Или ты под этим словом понимаешь и бред пьяной обезьяны? — Он тычет пальцем в мои листки, впитывающие в себя лужицу со стола.

— Почему бред, ну почему?! — Славка вскакивает с кресла, которое жалобно взвизгивает, расставаясь с его тяжестью. Он сует в рот сухарь и

начинает с хрустом перемалывать его, не прерывая, однако, диспута.

— А помнишь, как возник вопрос: а кто такой Андрей Тарковский?

— Э, нет, парнишка, нег! — энергично возражает Жан.

— Чего уж нет, раз — да?! Ведь люди дошли до того, что плевали в экран с его «Зеркалом»!

— Некоторые, Славонька, не-ко-то-ры-е, — чеканит Жан.

— Дегенераты! — рычит Славка.

— А вдруг в данном случае в числе этих некоторых — ты?!

— Парнишка, заговариваешься!..

— Не я, а ты!

Славка подвижен и, конечно, сейчас, распалившись в споре, он принимается бегать по комнате, ожесточенно жестикулировать. Кроме того, он неплохой артист и может довольно убедительно сыграть чувства, возможно, ему и не присущие.

Но Жана с толку сбить не так уж легко. Он улыбается, бросает насмешливый взгляд на экспансивного оппонента.

— Слушай, братец, ты не разыгрывай мне здесь интермедии. За что ты хочешь выдать этот пьяный бред?

— Обычная гиперболизация.

— Обычная?

— Ну...

— Ну!

— Не совсем...

— Пьяная?

— А что же, человеку и выпить нельзя?

— Можно, — Жан обладает способностью «рубить» действия. — Налей!

Славка мгновенно хватается из-под стола огромную, кажущуюся черной бутылку, расплескивает

в сомнительной чистоты граненые стаканы портвейн, опрокидывает в рот.

— Поехали к нему.

Жан бросает взгляд на часы.

— Четыре. Спит.

Славка замирает посреди комнаты, закрывает глаза, настораживается, напрягается и через несколько секунд выпаливает:

— О нас думает.

Жан хохочет:

— Лови такси, телепат.

Я снова достаю трубку, набиваю ее табаком, произвожу ревизию в баре и начинаю ждать гостей. В этот раз наяву.

Ожидание томительно. Я прикидываю: оделись, вышли, поймали, сели, договорились — едут. Стрелки на часах отсчитывают промежуток, нужный на дорогу. Все это время я спокоен. Я жду. И только когда лимит выходит, вздыхаю: не поймали такси и, конечно, вернулись. Не такие уж они упрямые. Жан, к тому же, в прошлом году погиб так в автокатастрофе...

И я вынужден вновь вернуться в мой замкнутый круг, в мою ночь, которая, распугав даже кошек, зацепилась за крышу дома, остановилась, не проходит, не кончается.

Впрочем, теперь-то она мне не страшна. Согретый мыслями о друзьях и их воспоминаниями обо мне, я облегченно натягиваю одеяло до подбородка, делаю вдох-выдох, прощальный для меня на сегодня в этом мире, и только легкий стук в окно заставляет меня задержаться в бытии еще на минуту. Еще на миг.

Стучит моя жена. Вторая. Последняя. Любимая. Она приветливо улыбается мне своей покорной и чарующей улыбкой, указательный палец ее правой

руки медленно сгибается во всех трех фалангах и делает манящий жест.

Я встаю и иду к окну. Я не могу не идти. Даже если это против моей воли. Как когда-то, она соблазнительно подмигивает мне, ее нежные губы размыкаются: «Открой».

Я знаю, что она — Цирцея. Я понимаю, что открывать ей никак нельзя, что это будет ошибкой, будет преступно, преступно для нас обоих. Я напрягаюсь, пытаюсь еще зацепиться за стулья, стол, шкаф, но меня влечет вперед к двери, рука моя сама поднимается, отодвигает защелку.

В распахнувшемся светящемся дверном проеме на мгновение застывает ее фигура. Изящная, кошачьи гибкая, манящая. Лицо ее светло и игриво. Глаза горят страстью из-под густых бровей. Тонкая нежная шея бережно и гордо поддерживает наклоненную вперед головку. Плавно опущены плечи. Руки брошены вдоль тела, но я чувствую, как готовы они подняться мне навстречу.

Мой взгляд, скользнув сверху вниз, поднимается снова по длинным, до пола, ослепительно-золотым волосам.

Это только один миг. В следующий — она со спесивой улыбкой на искривленных губах вваливается в комнату, швыряет свое рыхлое тело в мое единственное кресло, заскорузлой ладонью чешет сбившиеся волосы и сквозь гнилые желтые зубы начинает цедить брань.

— Ага, так ты не спишь?

В ее голосе звучит трудно поддающаяся осмыслению угроза. Чтобы избежать претензий, я отвечаю:

— Нет, сплю.

— Ах, негодяй, так ты уже спишь?! — реагирует она.

Понимая, что усмирить ее трудно, я молчу.

Выждав какое-то время, она вспыхивает:
— Подлец, так ты и разговаривать со мной не хочешь?!

Чувствуя, что сейчас она разразится обычной своей гнусной тирадой по поводу моего молчания, я пытаюсь опередить ее.

— Отчего же, я с удовольствием побеседую с тобой...

— Скотина!!! — визжит она. — Не перебивай, когда с тобой говорит женщина!

Я, в общем-то, уже давно не согласен с ее последним определением, однако, зная, что разубеждать гостью нет смысла, только вздыхаю.

— Идиот, ты чего пыхтишь?! — незамедлительно откликается она.

Наш диалог уже не выводит меня из себя — я к ним когда-то привык, — но он мне надоедает. Я встаю, осторожно беру ее, вопящую на верхнем пределе меццо-сопрано, за плечи и аккуратно выталкиваю за дверь.

Я уже не улавливаю смысла ее визгливого монолога, только провожаю тоскливым бессильным взглядом ее чудесную фигуру, растворяющуюся в ночи.

Устав вдавливать измученное, надоевшее тело в мятую простыню, я порывисто вскакиваю и распахиваю форточку, чтобы хоть сквозняком выдуло запах моей последней посетительницы.

В это время пробуждается соседка. Она пронзает взглядом стену и злобно пинает спящего супруга:

— Дрыхнешь все, дрыхнешь. А он и не ложился, — кивает она в мою сторону. — Ишь — свет горит...

О господи! Я окидываю взглядом пустынное пространство вокруг нашего барака, выискивая, на чем бы успокоиться, и от тщетности поисков с досады плюю в ущербную луну. Тут же спохватываюсь — светила все же пачкать нельзя, — начинаю вытирать плевков и только размазываю его по враждебному небу...

— Кто следующий?

ПОЕХАЛИ!

Полная запись прерванного прямого телерепортажа о начале одного эксперимента

На экране ведущая. Она говорит:
— Дорогие товарищи! Сегодня, на день раньше срока, завершилась подготовка к началу проведения эксперимента на Северо-Южной железной дороге. Предлагаем вашему вниманию прямой репортаж нашего корреспондента. Включаем город Могимск.

На экране корреспондент ТВ.

— Мы с вами в Могимске. Напомню, что Северо-Южная магистраль соединяет этот крупный северный промышленный центр с всемирно известным южным курортом Хотимском. Естественно, поток пассажиров между этими станциями растет из года в год. Как ускорить его движение? Выход был найден в тесном творческом сотрудничестве коллективов Северо-Южной магистрали Центрального научно-исследовательско-экспериментального института «Вагонпутьпром». Суть эксперимента необычна. Сегодня отправляющиеся пассажиры попадут в конечный пункт мгновенно, а не через два-три дня, как было раньше. И потребуются для этого... (многозначительная пауза) всего два вагона, специально изготовленных «Вагонпутьпромом». Точнее, ехать пассажирам вообще не при-

дется. Входя в Могимске в вагон под номером ноль-ноль-один, они тут же дематериализуются и обретут плоть в вагоне один-ноль-ноль уже в Хотимске. Наряду с быстротой, этот способ позволит значительно сократить расходы по эксплуатации, что очень важно при работе в условиях хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости.

Сегодня, как того и требует время перестройки и гласности, телевидение ведет прямой репортаж с места события.

Итак, мы на станции Могимск. До начала посадки остаются считанные минуты, и я предоставляю слово старшему диспетчеру по пассажирским перевозкам Северо-Южной железной дороги Ивану Сидоровичу Петрову.

Скажите, Иван Сидорович, как прошла подготовка к эксперименту?

На экране диспетчерская. Виден пульт. На нем перемигиваются разноцветные одинаковые лампы, поблескивают одноцветные разнообразные рычажки. На столе у пульта телефоны: черный, белый, красный, микрофон, селектор, кнопки и педаль. Справа от пульта — график перевозок, слева — окно на посадочную платформу. Перед пультом — энергичный железнодорожник. Он говорит:

— Откликаясь на призыв, мы решили поддержать и осуществить, внедрив прогрессивный метод...

Корреспондент:

— А не повредит ли он здоровью граждан? Это вопрос присутствующему здесь среднему научному сотруднику «Вагонпутьпрома» Аграну Симоновичу Тертому.

На экране Агран Симонович.

— Нет, не повредит. В ходе подготовки эксперимента из вагона в вагон телепортировались материальные субстанции всех сотрудников института . . .

Звонит красный телефон. Петров берет трубку. Оттуда слышен голос:

— Петров? Ты чего тянешь? Готов? Начинай посадку!

— Готов, Андрей Васильевич! — отвечает Петров в трубку. — Начинаю! Извините, — кивает он телекамере, — сам начальник дороги следит, — сам начальник дороги следит, берет черную трубку, торжественно командует: — Сидоров? Ты чего тянешь? Готов? Начинай.

Корреспондент ТВ:

— Итак, эксперимент начался. Но чтобы вы лучше почувствовали накал железнодорожного поиска, предлагаем вашему вниманию запись, сделанную вчера в кабинете начальника Северо-Южной магистрали Андрея Васильевича Битого.

На экране, за большим полированным столом, легко узнаваемый по крупным звездам на погонах — начальник магистрали. Он подтянут, требователен, принципиален, энергичен, но улыбается благодушно. Говорит:

— Нынче не время оправдываться, без самокритики вперед нет хода. Трудно нам работать. Ускорение требует новых темпов, а материально-техническая база отстает от требований времени. Получил я в очередной раз взбучку от министра за отсутствие личной инициативы. А что с ней делать? В народ идти! Глянул я в это окно . . .

Камера перемещается на широкое окно, сквозь него видны платформы вокзала, по которым снуют толпы пассажиров.

Голос начальника звучит за кадром:

— Смотрю и думаю: и чего они каждый день

тысяча — из Могимска в Хотимск и столько же обратно?.. Чего им не сидится?.. А тут он заходит...

Камера поворачивается, и на экране появляется улыбчивый пышноусый брюнет. Брюнет весело подмигивает то ли камере, то ли начальнику:

— Вы меня сперва выгнать хотели... А я с порога говорю: «И чего они каждый день тысяча — туда, столько же — обратно?..»

Камера теперь охватывает обоих, весело улыбающихся, похлопывающих друг друга по плечу.

Начальник:

— Вот-вот, совпали наши чаяния...

Брюнет:

— И я Вам — бац! — расчеты на стол...

Начальник:

— И он мне — бац! — расчеты на стол. Я сразу смекнул, в чем дело, и подключил наш НИЭИ.

Голос корреспондента:

— В чем суть открытия? Этот вопрос я задаю его автору Евгению Борисовичу Клятову.

Брюнет улыбается:

— Суть проста — телепортация. Поясняю. В один вагон, именуемый редуктором, пассажир входит и тут же оказывается в другом вагоне — индукторе. Вагоны может разделять любое расстояние — хоть тысяча километров.

— Вот мы и решили, — добавляет начальник, — оставить для начала редуктор в Могимске, а индуктор — в Хотимске.

Корреспондент:

— А пассажиры обратного направления?

Начальник:

— На сегодня мы успели изготовить только два вагона: редуктор под номером ноль-ноль-один и индуктор, чтоб не перепутать, под номером один-

ноль-ноль. Идентичные образцы с аналогичной нумерацией еще находятся в массовом производстве. Но зачем же ждать? В наше-то время?! Редуктор послезавтра будет в Могимске, а индуктор — в Хо...

Звонит телефон. Начальник выслушивает, говорит в трубку: «Молодцы!» — и снова смотрит в камеру:

— Товарищи, новая победа! Коллективы прогонных участков, взяв на себя повышенные встречные обязательства, доставят вагоны по адресам завтра. Так что эксперимент начнем на день раньше срока.

На экране снова корреспондент ТВ. С пафосом говорит:

— Поздравляя железнодорожников с новой трудовой победой, мы тоже начали наш репортаж на день раньше запланированного срока. К сожалению, мы не смогли установить вторую камеру на платформе, но отсюда видно, как к переполненному пассажирами перрону подали состав. Простите, вагон. Посадка идет в темпе. Пассажиров много, они волнуются.

Энергичный диспетчер нажимает кнопку, говорит в микрофон. Через открытое окно слышен его голос, усиленный динамиками:

— Дорогие товарищи, отъезжающие в Хотимск! Не волнуйтесь, сегодня вы все уедете. Хотя вагон один, но его пропускная способность неограничена.

Звонит черный телефон. Диспетчер берет трубку, оттуда голос:

— Сидарыч! Здесь вагонная бригада — Сидоров. Посадка идет по графику.

Диспетчер с пафосом:

— Молодцы, так держать!

Звонит белый телефон:

— Диспетчер, здесь локомотивная бригада. На посадку десять минут, как обычно...

— Как обычно?— удивляется диспетчер. — Разве время не увеличили?

В белой трубке гудки отбоя. Звонит черный телефон:

— Иван Сидорович, здесь опять я. Сидоров. Человек сто посадили.

— Хорошо, Сидоров. Смотри, на посадку всего десять минут!

— Ничего, управимся.

Звонит красный телефон:

— Петров? Как дела?

— Сажаем, Андрей Васильевич... Только... Что ж на посадку времени не добавили? Полтыщи человек в один вагон — не в десять...

— Ты мне показатели простоя не превышай! — строго одергивает трубка. — Действуй, проявляй личную инициативу!

— Ясно! — Петров кладет красную трубку, берет черную: — Сидоров? Как дела?

— Нормально. Все спешат. Задние сами передних подпирают. Хе-хе... Всем к морю хочется...

— Ты мне не хекеай! Сколько посадил?

— Да третья сотня пошла. Только уже медленней... Чегой-то слабо техника работает... Тесно в вагоне уже. Воеет кто-то...

— Сам ты воешь! Ты мне показатели простоя не порть! Поднажми, проявляй личную инициативу!

Звонит белый телефон:

— Диспетчер, здесь локомотивная бригада. До конца посадки три минуты.

Звонит черный телефон:

— Сидарыч, здесь вагонная бригада. Чегой-то тесно в вагоне. Воеет кто-то.

Звонит красный телефон:

— Петров! Как, дела?

— Помочь бы на посадке, Андрей Васильевич...

— Уже подумали. Выслали резервную бригаду.

Диспетчер, продолжая держать белую трубку, снимает черную, локтем нажимает кнопку громкоговорящей связи, почти кричит:

— Резервная бригада идет на помощь!

Из трубок и с платформы невнятный гул голосов. Диспетчер кладет трубки на рычаги. Белый телефон тут же звонит:

— Диспетчер, здесь локомотивная бригада. Заканчивайте, отходим.

Звонит красный телефон:

— Петров, ты... (неразборчивое слово) мне график не срывай!

Диспетчер снимает трубку с черного телефона:

— Сидоров, ты мне... — оглянувшись на камеру, запинается, — ... ты мне не срывай! Заканчивай! Отходить надо! — Он очень активен, видны даже капли пота на лбу.

— Стараемся, Сидарыч, — доносится из трубки.
— Человек сто осгалось.

Звонит белый телефон:

— Диспетчер, все — отправляемся!

— Давай, только по-ти-хо-о-нью, — говорит диспетчер и берет черную трубку: — Сидоров! Все — отправляемся...

— Сидарыч, еще полста...

— А ты подсади, помоги... Проявлять надо личную инициативу! Тебе же резервистов прислали? Вот и пусть подпихнут нерасторопных.

Звонит красный телефон:

— Петров? Ну как?

— В порядке, Андрей Васильевич, отправляем...

— Молодец!

Диспетчер нажимает клавишу громкоговорящей связи, бодро говорит в микрофон:

— Счастливого пути, товарищи могомчане! Желаем вам хорошего отдыха на берегу южного моря.

Звонит черный телефон:

— Сидарыч, все! Последних впахнули и даже двери закрыли...

— Молодцы! — диспетчер Петров кладет трубку, устало вытирает пот со лба. — Ф-ф-ф..

Голос корреспондента:

— Вот так! Нелегко, конечно, работать в ритме перестройки, демократизации, гласности и ускорения. Но уже можно поздравить железнодорожников с новым творческим успехом на рельсах внедрения научно-технического прогресса, хозрасчета и самокупа... простите, самоокупаемости. Деньги пассажиры заплатили те же, а везти их не надо. Они уже на юге! Иван Сидорович, можно связаться с Хотимском?

— Отчего же нельзя, — улыбается диспетчер, нажимает педаль селектора. — Хотимск! Здесь Могомск.

Из селектора голос:

— Хотимск слушает!

— Как у вас? Все прибыли?

— Во время уложились — пятьсот посадили!

— Что значит «посадили»?

— А что значит «прибыли»?

— Мы вам пятьсот — «посадили», значит, к вам они должны «прибыть»!

— Никак нет! Согласно приложенной инструкции, цитирую: «Посадка производится в «индук-

тор» — вагон номер ноль-ноль-один». Такой у нас и стоит — вон и номер хорошо видно...

— То есть как у вас? И никто из него не вышел?!

— Очень просто — у нас. К нам перегонщики его доставили. Хотя и ждали мы «редуктор», но не растерялись, проявили личную инициативу. Повторяю: пятьсот мы отправили.

— И мы пятьсот... — растерянно говорит энергичный диспетчер Петров и хватает черную трубку: — Сидоров! Номер-то вагона какой у нас был?

Голос Сидорова:

— А черт его знает...

— Ноль-ноль-один?!

— Да были там, Сидарыч, какие-то нули. И единица, кажись, была...

Звонит белый телефон:

— Диспетчер, спасибо, во время уложились. Мы поехали!...

Звонит красный телефон:

— Петров, отправил во время?

— Да, — рассеянно отвечает Петров. — Отправил... — и срывается с места... — только куда?!!

Экран заслоняет взволнованное трудовой победой лицо корреспондента. Он произносит скороговоркой:

— На этом, товарищи, наш репортаж заканчивается, о результатах эксперимента сообщим в ближайшее время.

На экране появляется заставка: «Ускорение — веление времени!» и «Экономике — быть экономной!»

УМНИК

Мы с Мишкой валялись на коврике посреди комнаты. Делать было нечего, и мы просто глядели в потолок и болтали чепуху.

— Вот бы подняться сейчас над полом, как в невесомости... — сказал я.

— Как же! — отозвался он. — Это только экстрасенсы могут...

— Или уметь бы ходить, как муха, — по стенам и потолку... — не унимался я.

— Да... — вздохнул Мишка. — Это только в космосе можно...

— А что если попробовать сквозь стенку пройти? — спросил я.

— Выдумщик, это только в фантастике бывает... — буркнул он, недаром слывший скептиком.

— Эх, был бы у нас конь крылатый... — провозирующе вздохнул я.

— Скажешь тоже... — криво усмехнулся он. — Это только в сказках бывает... у волшебников...

— А хорошо быть волшебником! — подсказал я. — Стать им!

— Придумаешь... — протянул Мишка. — Даже в сказках волшебниками не становятся. Их

просто встречаются. Вот только где и как? — он мечтательно закатил глаза.

Мне надоела его непонятливость. Я взлетел над полом, прошелся по потолку, шмыгнул сквозь стенку и вскочил на крылатого коня.

— Подумаешь, глядя на это, обижено надудся Мишка, — умник нашелся.

ВЫШЛИ В 1989 ГОДУ:

Выпуски «Фантаkrim — MICRO». Фантастика, приключения, детектив. «Издательство «Прометей» совместно с ЛИА «Эхо». «Эридан», «ЛИТ»)

1. А. Кристи «Свидетель обвинения», Р. Шекли «Лабиринт Редферна».
2. А. Потупа «Эффект лягушки».
3. А. Потупа «Голая правда о голом короле».
4. Н. Орехов, Г. Шишко «О вечности, о доблести, о славе».
5. Н. Орехов, Г. Шишко «Планета, с которой не гонят в шею».
6. А. Ярушкин «Проездной билет», Э. Нортон «Наследие Сорновой топи».
7. В. Шитик «Вторая версия», В. Хлумов «Сухое письмо».
8. М. Рейнольдс «Проценты с капитала», М. Паровски «Колодец».
9. Р. Шекли «Сезон для рыбалки», С. Булыга «Поднадзорный».

ВЫЙДУТ В 1-м КВАРТАЛЕ 1990 ГОДА:

1. Р. Шекли «Жертва из космоса».
2. Р. Гуларт «Все ради любви». Ч. Хрущевски «Город».
3. В. Трапезников «Осенние миражи».
4. О. Чарушников «На страшном нерве».
5. Л. и З. Кулиевы «Солнце по талону».
6. А. Азимов «Последний вопрос», А. Копти «Грустная история об автомобильной шине».
7. С. Булыга «Лабиринт».
8. Е. Дрозд «Короли и алхимики».
9. Ю. Брайдер, Н. Чадович «Личный контакт».
10. В. Сычеников «Экстрасенс».
11. Р. Бредбери «Новенький», В. Пугач «Дальний поиск».

Цена 30 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

Экстрасенс, или Не размыкая круга	3
Поехали!	10
Умник	29

Валентин Сычеников

(Фантакрим-микро, фантастика, приключения, детектив)
ЭКСТРАСЕНС

Фантастические рассказы

Составитель выпусков «Фантакрим-микро» — М. И. Андрюшкин

Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование —
С.В. Баленок

Координатор выпуска Н. А. Фридман.

Сдано в набор 04.12.89. Подписано в печать 22.12.89.
АТ 10785 Формат 84×108 1/64. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1.0
уч.-изд. л. 1,3. Тираж 105.000. Заказ 6554.

Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина,
119948, Москва, ул. Усачева, 64. Отпечатано в Валмиерской типографии «Лиесма» Государственного комитета Латвийской ССР по культуре, 228600, г. Валмиера, ул. А. Упиша, 7.